

Максуд Ибрагимбеков

Основная версия

Страшнее были сказки нет.

Демократы всех стран соединяйтесь, и никогда не разъединяйтесь! – топнув ножкой, вскричал своим знаменитым фальцетом Раф Ленкоранский, и послушное эхо за окном кабинета многократно разнесло заклинание над застывшим от ужаса ночным кладбищем.

Затем раздача грантов продолжилась, как всегда в теплой дружественной обстановке. В комнате собрались сливки бакинской желтой прессы. Очень активное участие приняли в дискуссии на тему «Смешаем с грязью весь Азербайджан» представители трех газет – «Ведомости», «Бакинские ведомости» и «Реальный Азербайджан». Даже на общем блестящем фоне ораторов ослепительно ярко выглядело выступление главного редактора «Реального Азербайджана» Эйнуллы Фатуллаева. Он порадовал организаторов искрометными рассуждениями о безнадежном настоящем и беспросветном будущем своей бедной, истекающей нефтью Родины. По мнению организаторов и участников, дискуссия прошла продуктивно, а после того как деньги были подсчитаны, запрятаны в карманы и надежно застегнуты, все грантополучатели еще более подружились и, взявшись за руки, спели новую кантату «Оранжевый Интернационал» на слова и музыку композитора Андрона Гросса.

Назад

Рушана Вульгарис и Бэлла Закирица в исполнении кантаты не участвовали. Уединившись в углу кабинета, подружки делили грант, предварительно слегка обглоданный Ленкоранским. Из-за разногласий при подсчете они чуть было не поссорились, но как раз в это время к ним подошел Эйнулла Фатуллаев и попросил их незаметно для присутствующих, с перерывом в десять минут выйти вслед за ним.

Рушана Вульгарис и Бэлла Закирица, оказавшись на улице, помирились и, как всегда, поклялись друг другу в вечной дружбе. Эйнулла ждал их у входа на кладбище. В руках он держал хорошо заточенный осиновый кол и новенькую лопату. Все направилось протоптанной дорожкой к могиле Неизвестного журналиста, по привычке напевая тихим трио грустную популярную песенку. Внезапно погасли кладбищенские фонари. Продолжая петь, Эйнулла вынул из кармана фонарь, и все трое возобновили движение. Внезапно в кромешной тьме раздался тоскливый вой радикального демократа-реформатора, который каждую ночь занимался осквернением могил в знак протеста против внешней и частично внутренней политики азербайджанского правительства. Еще спустя несколько минут демократ-реформатор выскочил из темноты прямо перед ними на главную аллею. Все его

толстое псевдодемократическое тело била крупная дрожь, по бледному лицу с выпученными глазами обильно стекал пот. В руках у него была саперная лопатка и молоток. Увидев старых знакомых, демократ-реформатор воспрянул духом и для пущего подъема сил обнял Рушану Вульгарис. Та, ощутив хоть и рыхлое, но по внешним признакам вполне мужское тело, в ответ по привычке сразу же, со знанием дела страстно прильнула к нему. Тем временем из-за туч выкатилась полная луна. При ее свете Эйнулле что-то в поведении демократа не понравилось.

– Чувиху не трогай, может укусить, – сурово сказал он. – А лопату отдай, вторая лопата может нам пригодиться.

– Для чего пригодиться?

– Для скорости, – туманно объяснил Эйнулла. – А чего ты такой перепуганный? Как будто швейцару американского посольства приказали прекратить тебе выдачу ежемесячного пособия и велели впредь не пускать на порог.

– К твоему сведению, швейцар мой близкий друг и всегда готов замолвить за меня словечко перед личным драйвером посла, – с достоинством сказал демократ-реформатор. – Кстати, он же сообщил мне, что улучшенная программа нашей партии американцам очень понравилась. Кроме того...

– Да знаем, знаем, – отмахнулся Эйнулла. – Так чего ты так испугался? Посмотри на себя, дрожишь, как оранжевый «фронтвик», вызванный на допрос некоррупцированным следователем по уголовным делам.

– Легко говорить! Ты штаны свои намочил бы на моем месте, если бы увидел это, – огрызнулся реформатор-демократ.

– Ну и что тебе привиделось в потемках?

– Не привиделось. Можешь не верить, но я своими глазами только что видел, как из могилы Неизвестного журналиста вышел он сам, подошел ко мне и, рыдая навзрыд, рассказал подробности своего предательского убийства.

Эйнулла и Рушана Вульгарис переглянулись.

– А как ты его узнал? – дрогнувшим голосом спросил Эйнулла.

– А чего там узнавать, если это был он собственной персоной!

– Подробно! Как он выглядел? – потребовал Эйнулла.

– Обычно. Только весь светится изнутри темно-синим цветом. И глаза у него вроде лазерных фонариков, просвечивают человека до самой титевины. А рыдал он так громко, что у меня мурашки по коже забегали.

– Ты по пустякам не отвлекайся. Расскажи, что он говорил. Ничего не пропускай!

– Представляешь, я ничего не запомнил, полчаса разговаривали, а я ничего не запомнил. Он так сильно рыдал, что я ни слова толком не расслышал, – не спуская глаз с массивного осинового кола, искренним тоном сказал демократ-реформатор. – Между прочим, плакал он кровавыми слезами.

– Будешь притворяться рассеянным и отнекиваться, сегодня же подробно расскажу дяде о том, с кем ты водишь хороходы. Обо всех твоих клиентах. И про ЦРУ, и про иранских проповедников, и про щедрых экономических шпионов из Стамбула. Понял меня? На тебя столько материала в редакции накопилось, девать некуда! Ты когда-нибудь задумывался, почему я ценой колоссальных усилий и трат каждые пять лет устраиваю своего дядю депутатом в Милли меджлис? Задумывался?

– Наверно, есть на то серьезные причины, – пожал плечами демократ-осквернитель.

– Ты прав. Причин много. И одна из них – связи и доступ к людям во властных структурах, имеющим возможность законным путем бесшумно задвинуть человека вроде тебя, пытающегося встать мне поперек пути.

«Знаем твоего дефективного дядю, – подумал про себя демократ-реформатор, – тот еще фрукт, но хоть не убийца, как его племянник. А дядя в парламенте нужен тебе, как палочка-выручалочка, на тот случай, когда на тебя наденут намордник, то есть отправят за решетку».

– При чем здесь твой дядя?! – в примирительном тоне удивился демократ-реформатор. – И никто не пытается встать тебе поперек пути. Какие между мной и тобой могут быть секреты? Говорю все как есть, клянусь мамой. Обливаясь слезами, он сказал, что его убили самые близкие люди. То есть заказали его близкие люди, – демократ оближал пересохшие губы.

– Перестань вилять! Конкретно, кто эти близкие люди?

– Кто эти близкие люди!? Он так и сказал мне, что его заказали вы – ты и Рушана, – демократ-реформатор нервно хихикнул. – Так и сказал: Эйнулла и Рушана. По его словам, он знал, что вы его ненавидите и завидуете ему, но он даже подумать не мог, что вы, опять же по его словам ничтожные бесполезные твари, осмелитесь на убийство. Говорит, и деньги вы сперли, которые в тот вечер он получил для всей свободной прессы от американских «общественных» организаций, прямо в парадном, у входа в квартиру, и сперли кейс, битком набитый зеленью. Изъяли из остывающих, так сказать, ручонок.

– Надеюсь, ты отдаешь себе отчет в том, что все это бездоказательный бред? – хмуро буркнул Эйнулла.

– Как же, как же, – засуетился демократ-реформатор. – Само собой, натуральный бред. Между прочим, я ему прямо так и заявил: пойми, сказал я ему, тебе никто не поверит, потому что ты человек в этом деле заинтересованный, и поэтому по закону никак не можешь считаться объективным свидетелем. Законы знать надо.

– Вот именно, – согласилась Рушана Вульгарис.

Но демократа-реформатора больше интересовало мнение Эйнуллы. А тот молчал.

«Пока цел, надо поскорее уносить ноги», – подумал демократ-реформатор. Заостренная на одном конце дубина в руках Эйнуллы с каждой минутой нравилась ему все меньше.

Ребята, вы можете быть уверены, что я никому ничего не расскажу, – торжественно заявил он.

– Напугал! Ах, как напугал! Подумаешь, лорд хранитель тайны. Я и так уверен, что никому не расскажешь, – усмехнулся Эйнулла. – По нашим сведениям, выходить из могилы он

начал примерно неделю назад. В первую ночь он у ворот встретился с полицейским, местным участковым, который охотился на неуловимого осквернителя могил. Рассказал ему то же самое, что и тебе. Участковый утром подробно доложил в своем отделении полиции о ночной встрече, мол, тайна убийства журналиста раскрыта, убитый по договоренности готов дать показания, и пригласил начальство следующей ночью посетить кладбище для встречи с покойником. Начальство приглашение очень вежливо, можно сказать, ласково отклонило, и в тот же день участкового без врачебной экспертизы отправили на пенсию, благо возраст позволял. И посоветовали ему по ночам сидеть дома и вообще держать язык за зубами, дабы не навлечь на полицию подозрений в распространении провокационных слухов. С тобой поступят еще хуже. Как только твои партийцы услышат рассказ о ночных переговорах с призраком, глазом не успеешь моргнуть, как окажешься в Маштагах в психиатрической больнице, а кто-нибудь из юных карьеристов займет твое кресло. Через недельку-другую тебя, конечно, выпустят, а поезда нет. Уйдет твой поезд вместе с твоим креслом. Я настолько уверен в твоём молчании, что даже расскажу тебе, зачем мы сюда пришли. А здесь мы для того, чтобы забить осиновый кол в известную тебе могилу. Профилактика. После этого наш покойный друг перестанет по ночам смущать людей своими глупыми рассказами, а мы избежим неприятных слухов.

– Здорово! Никогда не слышал о таком интересном способе, – льстивым голосом сказал реформатор. – И хорошо действует?

– Безотказно действует, – сказал Эйнулла, – в соответствии со старинным народным обычаем. Мы сейчас разберем каменное надгробье, а уж потом ты, Бэллочка, воткнешь кол. Держи!

– Почему я? – Бэлла Закирица отдернула от кола руки.

– Потому что по правилам кол должен воткнуть человек, не имеющий отношения к убийству. Ты согласна, что этот человек именно ты?

Бэлла Закирица взяла Эйнуллу под руку и отвела его в сторону.

– Волейбулла, дорогой мой, – вкрадчиво сказала она, – ты же знаешь, как я с тобой считаюсь, но поверь, эту просьбу я выполнить не в состоянии. Я ужасно боюсь сделать то, что ты у меня просишь...

– Это не просьба, а требование, – сухо ответил Эйнулла. – Вспомни, как ты теперь прекрасно живешь, после того как он ушел из нашей жизни. У тебя появилась собственная газета, и ты

пишешь все, что тебе захочется, сама выбираешь темы. И при этом тебя никто не оскорбляет как прежде. Все, что ты имеешь, ты имеешь благодаря мне. Не забывай об этом. Мало того, теперь ты занимаешь солидное положение еще в одной газете. Вспомни, это я устроил тебя в «Независимую газету».

– Вот ты какой гуманист, оказывается, а я и не догадывалась, – уже закипая, сказала Бэлла.
– В «Независимую газету» мне незачем было идти, мне хотелось заниматься лишь своей газетой. Ты меня внедрил туда для того, чтобы я следила за Расимом Агаевым. Вот уже несколько месяцев я ежедневно записываю его разговоры с некоторыми московскими и петербургскими азербайджанцами и передаю кассеты тебе. Кстати, сотрудники «Независимой» до сих пор не могут понять, за что хотят закрыть их газету.

– Я терпеливо выслушал все эти глупости, а теперь послушай ты меня, – металлическим голосом сказал Эйнулла. – Или ты сейчас же поможешь мне при помощи этого кола избавиться от нашего потустороннего странника, или я отниму у тебя все, что ты имеешь благодаря мне, и ты снова будешь жить точно так же, как жила при нем, в нищете и унижении. Будешь как раньше мечтать напечатать хоть в какой-нибудь стенгазете тот нелепый бред, который сегодня ты свободно печатаешь в газете, подаренной тебе мною. Ты должна... – договорить ему не удалось: рассвирепевшая Бэлла Закирица потеряла над собой всякий контроль.

– Проклятый альфонс! – Бэлла завизжала так пронзительно, что от неожиданности Рушана Вульгарис подпрыгнула и во избежание случайностей второй раз страстно прильнула к «демократу». – Посмотрите на него, женился на тете Рафаэля Аллахвердиева, жульнически присвоил мэрское состояние, все его деньги, а теперь ведет себя так, как будто это он мэр Баку или талантливый журналист. На всех перекрестках хвастается, что ему все позволено, мол, его все побаиваются, и вообще, отныне он стал своим человеком в элитарном обществе? Нет, не стал. Элита тебя не приняла и даже близко не подпускает, ей известно, что ты всего-навсего всеми презираемый опасный стукач и альфонс. Да, ты разбогател, но остался таким же трусливым бездарным ничтожеством, каким был при нем, – она указала пальцем на могилу Неизвестного журналиста. – Да, сейчас ты непрерывно гарцуешь. Лучше вспомни, как он при всей редакции лупил тебя по голове огромным копченым кутумом, твердым, как вот этот дурацкий осиновый кол...

Самое правильное было бы сбить ее хорошим ударом с ног, но Эйнулла на это не решился, так как почувствовал, что Бэлла находится на грани исступления. В ярости она становилась неукротимой. Когда читатели, возмущенные содержанием журнала, приходили в редакцию и дело доходило до рукоприкладства, главный редактор выпускал на них Бэлла Закирицу. Она с горящими глазами молча бросалась на самого активного протестующего и, повалив несчастного подсечкой на пол, начинала с утробным урчанием кусать его за все выступающие мускулистые части тела, кроме ушей, уши ей почему-то не нравились.

Протестующие в ужасе разбежались, не дожидаясь выдачи тела. Остановить Бэллу Закирицу умел лишь покойный главный редактор, который с криком: «ДеБэлла, полный абзац!» – выливал ей на голову ковшиком с виноградным уксусом. Поэтому Эйнулла перешел на мягкий успокоительный тон.

– Это был не кутум, а небольшая вобла, – осторожно напомнил он.

– Нет, нет, это был кутум, огромный кутум, мы его потом всей редакцией ели. А воблой на глазах у всех он тыкал тебе в лицо в другой раз, когда послал тебя за пивом, а ты вместо баварского купил ему «эфес», а он его терпеть не мог. Тыкал, а ты извинялся и хрюкал, хрюкал и извинялся. А теперь ты с нами стал его тоном разговаривать. А ты не он! Далеко не он. Запомни это! При всех его пороках, он все же был личность, пусть со знаком минус, но личность, а ты всего-навсего мелкая шавка и останешься ею до конца жизни! И сильные личности всегда будут посылать тебя за пивом, лупить по башке копченым кутумом и тыкать в морду сушеной воблой. Газету ты мне подарил! Как же. Не стыдно тебе? Все три газеты и машины мы приобрели почти одновременно, спустя неделю после его похорон. Между прочим, на деньги из кейса купили. И я имела на это такое же право, как ты. Вспомни, малограмотная шавка, кто редактировал твои статьи, исправлял чудовищные ляпсусы. Посмотри на меня! Да, это была я – Бэлла Закирица! Вспомнил? Газету он мне подарил! Я сама ее взяла!

Именно в это мгновение демократ-реформатор почувствовал, что наступил его звездный час. Сделав усилие, он высвободился из цепких объятий Рушаны Вульгарис, привел в порядок брюки и прическу, после чего жестом остановил заговорившего было Эйнуллу.

– Стойте! Прошу вас, остановитесь! Вы не должны ссориться. Опомнитесь. Сегодня все журналисты правильной ориентации в Баку завидуют вам. Они смотрят на вас с завистью и надеждой. Они восхищаются вами, восхищаются вашими газетами «Ирреальный Азербайджан», «Бакинские ведомости» и «Ведомости». Вместо бессмысленно брызжущего злобной слюной журнала, который печатался на серой оберточной бумаге, вы выпускаете три современных по дизайну и по содержанию газеты. Сегодня вам нет равных в стране. Только вы можете безнаказанно смешивать с грязью и оскорблять министров, государственных чиновников высшего ранга, деятелей литературы и искусства. За последние девять месяцев вы добились феноменальных, уникальных успехов. Ваши газеты раскупаются как горячие пирожки с требухой. И каждый свежий номер ваших газет расшатывает государственные устои, сеет сомнения, а иногда и панический страх в души граждан. Вы умело разбрасываете семена нигилизма и обреченности среди молодежи, и мы ждем, когда эти семена дадут всходы. Никому не приходит в голову выступить против вас, потому что вы всегда нападаете и обвиняете первыми. Правда, время от времени на вас подают в суд, но эти жалкие попытки наказать вас только укрепляют ваши позиции и свидетельствуют о бессилии бездарных законов, которые мы изменим после прихода к

власти. Этого грандиозного успеха вы добились сами, в буквальном смысле своими руками. Ради этой высокой цели вы совместными усилиями решились избавиться от авторитарного главного редактора, ставшего барьером между вами и свободой, свободой и прогрессом. При нем ограничивалась ваша свобода творчества и преследовалась инициатива. Как убежденный демократ-реформатор, я говорю вам: решив устранить его физически, вы избрали правильный демократический путь обретения свободы. Если бы не ваша решимость, вы бы и сейчас, так же как без малого год назад, оставались бы никому неизвестными жалкими исполнителями воли авторитарного руководителя, исполнителями на вторых, а точнее, на третьих ролях. Бедными, несчастными невольниками, угнетаемыми тираном редактором. И самое главное, оставались бы бесполезным балластом для демократического движения в стране. А сегодня вы являетесь авангардом, славой и гордостью объединенных антиазербайджанских сил. Я имел честь доложить нашим зарубежным друзьям, что в Азербайджане вы трое являетесь наиболее активными участниками оранжевого международного Интернационала. То, что вы сделали, неправильно называть убийством, неправильно и неграмотно, это событие, достойное именоваться трехцветной революцией, всего лишь с одним летальным исходом. Это была осознанная необходимость. Вы трое – лидеры демократических перемен! Вы выбрались из нищеты, в результате совершенной вами акции вы стали символом благополучия и роскоши, и это стало важным стимулом для всех бакинских журналистов правильной ориентации. Поэтому ссориться вам нельзя. Наша сила в вашем единстве! – демократу-реформатору хотелось говорить и говорить, но его остановил Эйнулла.

– Скоро начнет светать, а мы ничего еще не сделали, – хмуро буркнул он.

– На меня не рассчитывай, – вызывающим тоном отозвалась Бэлла Закирица.

– Все что нужно сделаю я, – предложил демократ-реформатор, – только не ссорьтесь!

– Спасибо, – обрадовался Эйнулла. – Ты настоящий друг. Держи кол. Приступим?

Демократ-реформатор испытующе посмотрел на Эйнулла.

– Никакой необходимости в применении твоего старинного народного обычая нет. Дело в том, что он покидает Баку, – внушительным тоном сообщил демократ-реформатор. – Он сказал, что в Баку возвращаться не собирается, так как знает о том, что предали его самые близкие люди, и это не дает ему покоя. Отныне здесь его ничего не держит. Он сказал, что в Баку никогда не вернется.

– Да, – глубокомысленно сказал Эйнулла. – Я всегда подозревал, что в глубине души он был сентиментальным человеком. Но очень умело скрывал это от окружающих.

– Вы должны знать, что я искренне восхищаюсь вами, – поочередно пожимая руки Эйнулле, Рушане и Бэлле, на прощанье сказал демократ-реформатор, и в глазах его действительно светились восторг и восхищение. – Скажу за что. По данным Союза журналистов России, за последние 10 лет было убито более 200 журналистов. Внушительная цифра, не так ли? В мире за один прошлый, 2004 год убито 54 журналиста. Ведется расследование, ищут убийц. Процент раскрытых убийств ничтожно мал. Ломают головы следователи, трудятся прокуроры, напрягается полиция. Рутинная повседневная работа. Так было и так будет всегда. И только вы в Баку сумели сделать то, что до вас не удавалось никому и нигде. Вам, основываясь на факте ординарного уголовного преступления, удалось раздуть грандиозное политическое шоу в масштабе всей страны. Вы схватили за шиворот государство, и напрямую, публично потребовали от него ответа. И государство пасует перед вашими непрерывными массируемыми атаками! Ах, какие же вы, ребята, молодцы, какой вы подняли оглушительный гвалт! Практически вы обвинили в причастности к убийству все государственные структуры. Каждую неделю вы через свои газеты грозно объявляете о том, что вашему терпению вот-вот придет конец, и тогда... Вы не объявляете, что будет «тогда», но государственные структуры, по сути, оправдываются, умоляют вас потерпеть и обещают в скором времени представить вам убийцу. Такого в истории мировой криминалистики еще не было. Вы достойны отдельной страницы в книге Гиннеса. Вы возмущаетесь и обвиняете всех! Игра сделана! Воздвигнут непреодолимый психологический барьер. Теперь ни один человек в Азербайджане, даже досконально узнав всю правду, имена убийц и мотивы преступления, не посмеет призвать вас к ответу. Вы вне подозрений. Отныне и навсегда вы надежно обеспечили себе безопасность. Живите и процветайте! Только не расслабляйтесь. Например, вдову генерала Рохлина спустя шесть лет суд все-таки признал виновной в убийстве мужа. Но Тамара Рохлина слабонервная истеричка, у которой рядом не было такого мудрого наставника, как Эйнулла Фатуллаев! Поэтому я уверен, вас ждет прекрасное будущее. И еще, умоляю вас, умираю от любопытства, скажите, кто из вас придумал этот замечательный термин «синдром Гонгадзе»? – ответом ему стал скромно потупившийся Эйнулла. – Конгениально! Молодец! – восторженно провозгласил демократ-реформатор, – я горжусь тобой. Ты пойдешь очень далеко!

«Если только одним поздним вечером тебя как бешеную собаку не застрелят по заказу близких людей в подъезде дома, на лестнице перед дверью собственной квартиры, с завершающим контрольным выстрелом в голову, – про себя добавил демократ-реформатор. – Ах, как это грустно! Но неизбежно».

Наступал рассвет.

2005